

ОТЗЫВ
ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА
Грифцовой Ирины Николаевны,
доктора философских наук, профессора
о диссертации Фуэнтеса Гонсалеса Серхио Альберто
«Мысленные эксперименты в натурфилософии И. Канта:
функции, пределы и сфера применения»,
представленной на соискание ученой степени
кандидата философских наук по научной специальности
5.7.2. История философии (философские науки)

Тема диссертационного исследования Серхио Альберто Фуэнтеса Гонсалеса сформулирована четко и сама по себе уже настраивает на встречу с интересной работой. Диссертация представляет собой исследование в области истории философии. В то же время автор диссертации осознает (и учитывает это в работе), что интересующая его проблематика во многом погружена и в проблемное поле других областей философии, таких, как философия и методология науки, эпистемология, философия сознания.

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что вопрос о познавательном статусе мысленного эксперимента остаётся одним из центральных в современной эпистемологии и философии науки. Спор Д. Нортонa и Д. Брауна о том, «может ли воображаемая конструкция расширять знание без опоры на наблюдение» (С. 7), до сих пор не разрешён, а обращение к Канту, как показывают неокантианские интерпретации, открывает возможность «срединного» решения. Нельзя не согласиться с диссертантом в том, что кантоведческая литература устойчиво квалифицирует ряд рассуждений философа как мысленные эксперименты, не давая, однако, систематического описания этого приёма. Несовпадающие обозначения, предложенные М. Калином, Х. Зигфридом и другими авторами, порождают при этом концептуальное напряжение (С. 3–4). Восполнение этого пробела в масштабе всего кантовского натурфилософского корпуса представляется поэтому значимой и своевременной задачей.

Тема проработана диссертантом основательно: ему удалось освоить как сочинения самого Канта – в академическом издании и в русских переводах, – так и обширную современную литературу, в том числе самых последних лет. Особого внимания заслуживает привлечение студенческих конспектов кантовских лекций по физике, прежде всего «Danziger Physik», а также учебной и лексикографической литературы XVIII века для реконструкции понятийной среды кантовского экспериментализма (С. 16).

Цель исследования – дать систематическое описание функций, пределов и сферы применения мысленных экспериментов в натурфилософии Канта и определить место Канта в современной философии этого метода – сформулирована ясно, а поставленные задачи логично из неё вытекают. Взвешенными представляются хронологические и типологические рамки исследования – от докритических сочинений до первой рецепции кантовского метода у Х. К. Эрстеда, – а также сознательное исключение практической философии, для которой характерна иная, нормативная функция воображаемых сценариев (С. 14).

Удачно представлена и методология исследования: анализ ведётся на четырёх взаимосвязанных уровнях – логико-эпистемическом, философском, историческом и метаисторическом, – что позволяет диссертанту не просто пересказывать кантовские рассуждения, но и восстанавливать их аргументативную структуру (С. 15).

Структура работы соответствует поставленным задачам: первая глава посвящена анализу историко-философских истоков приёма, вторая – реконструкции кантовской иерархии опыта, наблюдения и эксперимента, третья – сбору и анализу корпуса мысленных экспериментов; соотнесение кантовских идей с современными эпистемологическими моделями осуществляется преимущественно в заключительных параграфах глав (§§ 1.4, 2.4, 3.4).

Научная новизна проведенного исследования также сформулирована чётко и аргументированно. Следует отметить выявление автором диссертации функциональной неоднородности кантовских мысленных экспериментов, реконструкцию происхождения кантовской иерархии опыта, наблюдения и эксперимента, а также различие двух гетерогенных родов – трансцендентально-дискурсивного и созерцательно-математического (С. 16–17).

Положения, выносимые на защиту, сформулированы как конкретные научные результаты и обладают теоретической и практической значимостью (С. 17–19).

Диссертация состоит из введения, трёх глав, заключения и списка литературы в количестве 142 наименований на русском, английском и немецком языках; общий объём работы – 220 страниц.

В первой главе **«Исторические истоки и современные подходы к философии мысленных экспериментов»** рассматривается история применения данного приёма, от античности до современных дискуссий. Оправданным представляется решение диссертанта отказаться от исчерпывающего перечня случаев применения напоминающих мысленный

эксперимент приемов и выявить устойчивые признаки: явную идеализацию, контролируемую вариацию условий и косвенное доказательство в форме доведения до абсурда. Поскольку у самого Канта нет понятия мысленного эксперимента, а его эпоха не знает различия реальных и воображаемых экспериментов, эти признаки необходимы диссертанту как внешние критерии для дальнейшей идентификации кантовских случаев (С. 21, 199). В главе прослежена преемственность между досократическими рассуждениями, схоластическими диспутационными практиками и физическими идеализациями Г. Галилея; представлен содержательный обзор современных подходов, в котором диссертант обоснованно выделяет неокантианскую «срединную» позицию между эмпиризмом Д. Нортонa и рационализмом Д. Брауна (С. 64–65).

Во второй главе **«Эксперимент в методологии Канта»** реконструируется кантовское понятие эксперимента. Диссертант убедительно показывает, что различение обыденного опыта, наблюдения и эксперимента не возникает на пустом месте, а опирается на классификацию, уже сложившуюся в учебной и философской литературе эпохи; сопоставление студенческих конспектов лекций Канта с источниками XVIII века позволяет ему сделать вывод, что влияние учебника Г. Карстена было преимущественно терминологическим и дидактическим, тогда как концептуальная основа кантовской типологии восходит к И. Ламберту (С. 72–76, 90). Заслуживает внимания и интерпретация «эксперимента чистого разума», в которой химическая аналогия (редукция у Г. Э. Шталя) рассматривается с учётом дискуссий в современной литературе и вместе с тем исторически обоснована, поскольку вписана в модель «вопроса, обращённого к природе», характерную для натурфилософии XVII–XVIII веков (С. 99–106, 116). Автор также обозначает пределы этой аналогии: различие в материале проверки (телесный состав вещества в химии, условия применения понятий в трансцендентальной философии) и различие в роли добавляемого компонента (уголь при восстановлении металла у Г. Э. Шталя, идея безусловного в кантовской диалектике) (С. 104–105).

В третьей главе **«Анализ применения мысленных экспериментов в натурфилософских сочинениях Канта»** единая схема анализа последовательно проверяется автором диссертации на конкретном материале. Небулярная гипотеза верно истолкована как гипотетическая универсализация, поддержанная контролируемой аналогией и выполняющая преимущественно эвристическую и иллюстративную функции (С. 133–134). Реконструкция спора о живой силе, в которой используются воображаемые конструкции с пружинами и плотом, показывает, что такие сценарии проверяют

согласованность конкурирующих подходов и уточняют область их применимости, но не разрешают сам спор. Разбор трансцендентальных случаев – неконгруэнтных подобий, абстракции тела и «Второй аналогии» – и форономических построений выполнен на высоком уровне логической строгости; диссертант справедливо указывает, что форономические рассуждения не устанавливают физических фактов, а определяют область допустимого построения понятий (С. 174). Самостоятельное значение имеет заключительный параграф, где автор аргументирует тезис, что приписывание Канту единой философии мысленных экспериментов основано на смешении двух значений термина, и обосновывает различие между трансцендентально-дискурсивными и созерцательно-математическими процедурами как различие рода, а не степени (С. 181–182).

В заключении подведены итоги исследования: автор приходит к выводу, что кантовские практики мысленного экспериментирования не складываются в единую доктрину, а образуют плюралистическую модель экспериментальной рациональности (С. 204). Следует отметить и то, что диссертант сам обозначает ограничения работы и намечает перспективы дальнейших исследований.

Подводя итоги, можно утверждать, что диссертанту удалось решить все поставленные задачи. Текст диссертации имеет четкую структуру, соответствующую поставленным задачам. Работа обладает научной новизной, выполнена на высоком теоретическом и методологическом уровне, автор в полной мере владеет академическим стилем письма. Существенно также, что историческая реконструкция последовательно сочетается с концептуальным анализом: анализ мысленных экспериментов опирается не только на внешние по отношению к Канту критерии, но и на понятия, которыми философ пользовался сам: эксперимент, наблюдение, употребление разума; такой принцип внутренней когерентности защищает исследование от анахронизма.

Тем не менее, по тексту диссертации можно сделать следующие замечания:

1. Корпус исследования очерчивается через те кантовские фрагменты, которые «исследовательская литература уже квалифицировала как мысленные эксперименты» (С. 14), тогда как критерии, выработанные в первой главе, – явная идеализация, контролируемая вариация условий, косвенное доказательство – служат для оценки каждого случая (С. 199). Хотелось бы уточнить, как соотносятся предварительный отбор корпуса по литературе и критерии, выработанные в первой главе, и в какой мере итоговые результаты зависят от такого отбора. Кроме того, сам автор отмечает, что репертуар

рассмотренных случаев «не претендует на исчерпывающий характер», а его отбор определялся критериями «методологической релевантности и структурной репрезентативности» (С. 205); было бы желательно пояснить, что понимается под репрезентативностью и как проверялось соответствие отобранных случаев этому критерию.

2. Концептуальный анализ, который является одним из основных методов диссертационного исследования, в некоторых случаях требует более тщательного проведения. Автор без достаточного обоснования использует такие понятия, как «философия науки Канта», «методология Канта», «эпистемология 18 века», «эпистемология мысленных экспериментов» и «философия мысленных экспериментов». Имело смысл дать хотя бы небольшую характеристику понятию «экспериментальная рациональность», поскольку оно применяется в самых разных областях, в том числе и не имеющих отношения к философии.
3. Иногда создается впечатление, что автор смешивает предметный и концептуальный уровни рассмотрения: не всегда уточняется, говорится ли об истории применения метода мысленного эксперимента или об истории его философского осмысления. На с. 175 автор пишет: «В центре анализа находится не только вопрос о том, использовал ли Кант подобные процедуры, но и более сильный тезис: допускает ли его натурфилософский проект трактовку Канта как предшественника систематической теории мысленного экспериментирования». Но при этом основная, третья глава диссертации называется «Анализ применения мысленных экспериментов в натурфилософских сочинениях Канта», сама диссертация - «Мысленные эксперименты в натурфилософии Канта ...» (то есть фиксируется рассмотрение на объектном уровне). А в первой главе автор собирается рассказать о становлении и современных подходах к **философии** мысленного эксперимента: «Исторические истоки и современные подходы к философии мысленных экспериментов».
4. Говоря о роли Галилея в истории применения мысленных экспериментов, автор диссертации придерживается традиционного противопоставления Галилея и Аристотеля: Галилей выявляет внутреннюю несостоятельность аристотелевской физики; с помощью мысленных экспериментов стремится выявить внутренние противоречия аристотелевской физики и подорвать её изнутри. Можно посоветовать диссертанту познакомиться с работами замечательного отечественного историка науки И.С. Дмитриева, в которых он показывает, что «Галилей начинал свои исследования в рамках аристотелевской традиции, в которой получил образование, и существенно изменил некоторые ее аспекты, не выходя, однако, за ее пределы полностью и

уж подавно не отвергая натурфилософию Аристотеля целиком и сразу, какова бы ни была его риторика» (см., например, Дмитриев И.С. Дар обреченных (аристотелизм в интеллектуальном поле научной революции раннего нового времени // Эпистемология и философия науки 2026. Т. 63. № 1. С. 175–192.

5. Как уже отмечалось, текст диссертации написан хорошим языком, но тем не менее, досадные опечатки все же имеют место, например: «не менее не менее тринадцати монографий» (С. 10), «осуществляют предлагают типологию» (С. 23); вкрапление латиницы в русский текст, например: «Г. Erxleben» (С. 34); а также опечатки и ошибки согласования, например: «доступных» (С. 206), «в “Инаугурационная диссертации”» (С. 154). Автор также использует сразу три написания: «платонико-рационалистическая трактовка Д. Брауна», «платонический рационализм Брауна» и «платонистский».

Высказанные замечания не снижают моей общей высокой оценки выполненного Фуэнтесом Гонсалесом Серхио Альберто диссертационного исследования. Диссертация является самостоятельным, законченным научным исследованием, характеризующимся научной новизной, имеющим теоретическую и практическую значимость.

Теоретическая значимость исследования состоит в том, что его положения открывают новые возможности для интерпретации конкретных фрагментов кантовского корпуса в рамках историко-философского кантоведения, вносят вклад в современные исследования по истории философии в целом, а также по истории и философии науки.

Практическая значимость заключается в том, что ее основные положения и выводы могут быть использованы при разработке и чтении учебных курсов по истории философии, кантоведению, эпистемологии, философии науки, для прикладных разработок по мысленным экспериментам в педагогической, философской, историко-научной и других областях.

Положения, выводы и рекомендации, сформулированные в диссертации, убедительно обоснованы, прошли апробацию на шести научных конференциях, в том числе международных; представлены в четырех научных статьях, три из которых опубликованы в рецензируемых научных изданиях, входящих в перечень ВАК.

Автореферат и публикации автора полностью отражают основные выводы и теоретические положения диссертации.

Все вышеизложенное дает основание утверждать, что диссертация Фуэнтеса Гонсалеса Серхио Альберто на тему «Мысленные эксперименты в натурфилософии И. Канта: функции, пределы и сфера применения», представленная на соискание ученой степени кандидата философских наук,

удовлетворяет требованиям пп. 9, 10, 11, 13, 14 «Положения о присуждении ученых степеней», введенного Постановлением Правительства Российской Федерации от 24.09.2013 г. № 842 «О порядке присуждения ученых степеней», а ее автор заслуживает присуждения ученой степени кандидата философских наук по научной специальности 5.7.2. История философии (философские науки)

Грифцова Ирина Николаевна,
доктор философских наук;
профессор;
научная специальность 09.00.01 – онтология и теория познания;
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Московский педагогический государственный
университет»;
Институт социально-гуманитарного образования;
кафедра философии;
заведующий кафедрой

Дата: « 28 » сентября 2026 года

И.Н. Грифцова
ДОСТОВЕРЯЮ
А.Б. Никитина
Управление делами

Информация об авторе отзыва.

Фамилия Имя Отчество: Грифцова Ирина Николаевна

Почтовый адрес: 119435, г. Москва, улица Малая Пироговская, дом 1, строение 1

Телефон: +7(916) 560-65-35

Адрес электронной почты: in.grifsova@mpgu.su

Наименование места работы: федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский педагогический государственный университет»

Должность: заведующий кафедрой философии Института социально-гуманитарного образования

С основными научными публикациями Грифцовой И.Н. можно ознакомиться на сайте в сети Интернет:

https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=103922&pubrole=100&show_refs=1&pubcat=risc

Я, Грифцова Ирина Николаевна, даю согласие на обработку моих персональных данных, а также на их хранение и передачу.